

Т.А. Подшибякина

КОГНИТИВНАЯ СВОБОДА – НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА XXI в.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00906 А «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Проведен обзор публикаций о практически не представленной в научном дискурсе теме когнитивной свободы с позиций различных научных подходов, дана оценка степени ее изученности в политической науке. Авторским вкладом в осмысление когнитивной свободы в политическом аспекте стало обоснование диффузионной концепции когнитивной свободы с использованием сочетания двух подходов: имплицитной когнитивистики и политического диффузионизма.

Ключевые слова: когнитивная свобода; свобода мысли; имплицитная когнитивистика; политическая диффузия; когнитивный контроль.

Введение

Понятие когнитивной свободы вошло в общественный дискурс и политическую практику раньше, чем получило достойное научное осмысление и в богатейшей философской традиции, как, например, понятие «свобода мысли», и в относительно новом когнитивистском направлении. Принято считать, что концепция когнитивной свободы (Cognitive Liberty) была придумана американскими активистами борьбы за гражданские права. Когнитивная свобода, едва появившись, практически сразу стала претендовать на статус новой политической свободы XXI в., требующей внесения в конституционные нормы.

Определение понятия «когнитивная свобода» как свободы политической при его отсутствии в научном обороте ни в значении общеупотребимого, ни в качестве дискуссионного требует поэтапного решения этой непростой задачи. На первом этапе необходимо обобщить уже известные наработки, существующие в психологическом и нейросетевом подходах. На втором этапе сформулировано понятие «когнитивная свобода» с опорой на когнитивный и эпистемологический подходы. На третьем этапе предложена к обсуждению концепция «когнитивная свобода» как свобода политическая. И в развитие ее обосновано авторское диффузионное понятие когнитивной свободы, базирующееся на сочетании когнитивистского и диффузионного подходов.

Понятие «когнитивная свобода»: эволюция в психологическом статусе

Понятие и концепцию когнитивной свободы, как принято считать, ввели в научный оборот Рай Сентенция и Ричард Глен Буар в 2000 г. Рай Сентенция возглавляла Центр когнитивной свободы и этики «Center for Cognitive Liberty & Ethics» (CCLE), созданный в 1999 г. с целью осуществления миссии разработки политики, которая сохранит и защитит свободу мысли в XXI в. в условиях возникновения новых нейротехнологий улучшения когнитивных функций человека. Она активно продвигала тезис о необходимости отстаивания когнитивной свободы от неоправданно высокого влияния конвергентных технологий по улучшению человеческого познания. По замыслу

инициаторов широкой общественной дискуссии, понятие «когнитивная свобода» было призвано расширить традиционное понятие «свобода мысли» и подтолкнуть демократическое общество к имплементации новой нормы в правовую систему посредством включения его в текст Конституции [1. С. 32].

Своим появлением понятие «когнитивная свобода» обязано активным разработкам нейротехнологий, вызвавших обеспокоенность в обществе непредсказуемыми последствиями их вторжения в область тонких физических материй мозга и психических процессов, связанных с мыслительной деятельностью. В одном из первых своих смыслов понятие «когнитивная свобода» рассматривалось в качестве инструмента для оценки воздействия на сознание разработок нейротехнологий [2]. Впоследствии уже в целях защиты человека от пагубного воздействия нейротехнологий было предложено ввести понятие «когнитивная свобода», или «свобода разума», в международное гуманитарное право.

В научной литературе нет единого понимания сущности когнитивной свободы как социального и политического феномена, есть несколько определений в основном рассматриваемых в контексте нейротетики и проблем применения нейротехнологий для воздействия на человеческое сознание. Главным аргументом борцов за торжество когнитивной свободы является тезис о том, что в ситуации, когда разделение понятий разума и мозга как биологической нейросистемы является общепризнанным, человек чувствует себя защищенным законами от физического ограничения свободы, но практически беззащитен перед оказанием влияния на психическое состояние и умственную деятельность. В обществе этот феномен осознается как проблема признания/непризнания права извне изменять психическое состояние людей, в частности манипулятивного вмешательства в процессы принятия решений. Манипуляторами могут выступать как государство, использующее политические нормы, так и общественные организации, инициирующее общие когнитивные стандарты.

В научном дискурсе наиболее распространены определения когнитивной свободы в основном в области психологии. Ян-Кристоф Бублиц рассматривает Cognitive Liberty как «право изменять свои психические состояния с помощью нейроинструментов, а так-

же отказ от этого» [3. Р. 234]. Кроме того, Бублиц указывает еще на один аспект понятия когнитивной свободы: «Когнитивная свобода или право на ментальное самоопределение гарантирует индивидуальный суверенитет над своим разумом» [3. Р. 242]. Согласно его мнению, необходимо законодательно закрепить как важнейшее право человека когнитивную свободу, или умственное самоопределение, которое гарантирует суверенитет человека над своим разумом и влечет за собой разрешение как использовать, так и отказываться от нейроусиления.

Паоло Соммаджо, Марко Маццокка, Алессио Джерола, Фульвио Ферро относят когнитивную свободу к «неврологическим правам человека» и определяют как «право каждого человека мыслить автономно и независимо, использовать весь набор своих умственных способностей и несколько образов мышления» [4]. Рай Сентенция, в свою очередь, также использует принцип автономности мышления для определения сущностных характеристик когнитивной свободы: «Каждый человек должен уметь мыслить независимо и использовать весь спектр его умственных способностей» [2. С. 223]. В этом значении когнитивная свобода может быть интерпретирована как свобода контроля человека над собственным сознанием и мыслительными процессами, или свобода управления собственным сознанием. Новые нейротехнологии открывают доступ по крайней мере к некоторым компонентам ментальной информации, что может привести к злоупотреблениям и создать беспрецедентные угрозы свободе разума и способности людей свободно управлять своим поведением [5].

Понятие «свобода» в пространстве когнитивистики

Когнитивный подход в разных научных областях основным предметом исследования рассматривает знания и все, что связано с их получением, хранением, представлением и интерпретацией, т.е. их переработкой. Вторым когнитивным аспектом является организация деятельности на основе переработанных знаний и информации, таким образом, мотивация поведения человека и его деятельности объясняется внутренними мыслительными, ментальными и познавательными процессами. Джордж Лакофф с позиций когнитивной науки описывает связь разума и свободы, отстаивая основной тезис о том, что свобода как политическая идея является продуктом человеческого разума, умственных процессов, а сама мысль – это физическое явление нейронных сетей. Всякая мысль использует фреймы – ментальные структуры ограниченного объема, концептуальные рамки, помогающие осознавать действительность. Свобода, как и любое политическое понятие, состоит из фреймов и метафор [6. Р. 13–18].

Понятие свободы часто рассматривается в когнитивистских теориях в контексте проблемы «свобода – детерминизм», касающейся в первую очередь объяснения причин возникновения всех когнитивных процессов. Можно выделить позицию нейродетерминизма, признающего наличие свободных от детерми-

нации зон (К.В. Анохин) и позицию социального когнитивизма, заключающуюся в признании влияния окружения на поведение личности, отрицание безоговорочного контроля над личностью, равно как и возможности абсолютно свободного поведения личности (А. Бандура)

Когнитивная свобода как понятие может быть описано и через систему ограничений, возникающих на ее пути, на первый взгляд, таким дескриптором может выступить альтернативное по смыслу понятие «когнитивный контроль». Идея сочетания свободы и контроля, «гибкого управления» исследовалась в философии К. Поппером в рамках его концепции «третьего мира», мира объективного содержания мышления [7. Р. 232]. В психологической трактовке «когнитивный контроль» можно рассматривать как проявление свободы человека контролировать свои собственные когнитивные состояния и процессы. Практически все предполагаемое поведение усваивается и поэтому зависит от когнитивной системы, которая может усвоить и реализовать «правила игры», необходимые для достижения данной цели в данной ситуации [8]. С точки зрения когнитивной психологии когнитивный контроль относится к психическим процессам, которые позволяют адаптивно варьировать поведение в зависимости от текущих целей. Одной из его основных функций является переопределение, ограничение или подавление нежелательных, но доминирующих тенденций реакции [9]. С позиций когнитивной лингвистики когнитивный контроль рассматривается как процедурная функция метапамяти и рабочей памяти [10], или как функция детекции (выявления) осознаваемых и неосознаваемых конфликтов в информации и адаптация к ним [11], а также как контроль над уже полученными знаниями [12].

Теория социального научения Альберта Бандуры позволяет понять социальные аспекты осуществления когнитивного контроля через его связь с социальным опытом, показывает, как через репрезентацию опыта в символической форме, манипулирование символической информацией можно получать новые знания. Когнитивный контроль действий осуществляется через мысленное решение возникающих проблем, мышление при этом выступает как процесс символического конструирования, основанный на мыслительном отображении социального опыта. Когнитивный контроль реализуется через когнитивные репрезентации будущего, оценивание их последствий и выступает в качестве действующего мотиватора поведения [13].

Накопленное в когнитивистике знание о связи когнитивной свободы фрагментарно и не сложилось в обобщенные концепции или теории, но все же позволяет назвать основные когнитивные структурные элементы, связанные со свободой когнитивного выбора и личной автономией, – свобода познания, свобода сознания, свобода репрезентации, свобода рецепции, свобода памяти, свобода информации, свобода мысли.

Свобода познания. Под познанием в когнитивистике понимается «способность человека приобретать и осваивать (перерабатывать) информацию из окружающей среды (а также внутренней среды организма) с целью адаптации к реальности» [14. С. 157], а зна-

ние трактуется как «всякая усвоенная индивидом информация как на уровне понимания, так и на уровне личного использования» [14. С. 158]. «В конструктивистском смысле знание следует понимать, как некое конструирование (процесс создания, который происходит внутри нас), а не как приобретение знаний в традиционном смысле этого слова – где мы каким-то образом получаем их из реального внешнего мира» [15. С. 42].

Свобода сознания. Нейросетевой и коннекционистский подход рассматривают когнитивные процессы как результат взаимодействия организма человека и социальной среды. Согласно коннекционистской модели «мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [15. С. 57]. Другой известный нейросетевой подход, рассматривающий сознание как процесс, протекающий в структуре мозга, представлен гиперсетевой теорией К.В. Анохина [16], которая представляет мозг как гиперсеть – сеть сетей, «когнитом». Сознание – это свойство высокоорганизованной движущейся материи, трафик в этой сети и есть наш разум, я, память, ментальность.

Свобода репрезентации. Репрезентация (представление) знаний является центральным понятием в когнитивной психологии и в целом в когнитивистике. «Под репрезентацией знаний понимается некоторая когнитивная схема – результат построения человеком (обществом) моделей реальности, в которых фиксируются наиболее важные с точки зрения его приспособления к среде факты, связи и закономерности последней» [14. С. 158].

Свобода рецепции. Когнитивная рецепция – одно из наиболее значимых проявлений когнитивной свободы. Рецепция (от латинского *gessertio*; принятие) – в коммуниктивистике будет означать свободное принятие и свободное следование выбранным образцам, паттернам, нормам. В когнитивистике это процессы восприятия, выполняемые мозгом, с задействованием памяти, внимания и т.д. по принятию знаний, информации, чужого опыта. Проблема свободы/несвободы процесса рецепции связана с различными формами влияния, которые могут быть оказаны на добровольный выбор единиц подражания. В конкретном случае когнитивной рецепции и объектом влияния будут убеждения, мотивы поведения, система мировоззрения индивида, способы познания реальности, а в качестве инструмента влияния выступают технологии манипулирования/управления с помощью знаний и информации.

Свобода сохранения памяти. Современные когнитивные теории исходят из нейробиологического понимания индивидуальной памяти в противовес метафористичному сравнению механизма памяти с компьютерным интерфейсом. Способ ограничения свободы во время извлечения информации из глубин мозга заключается в воздействии на процесс постоянного «перезаписывания», или «реконсолидации памяти». «Возможна имплантация новых “воспоминаний”, которая происходит в моменты реактивации старой па-

мяти. Человек в данном случае несет в себе искусственные воспоминания, непреднамеренно или умышленно имплантированные ему в мозг, в полной уверенности в их истинности» [17. С. 89].

Свобода получения и распространения информации. С точки зрения нейрокогнитивистики информация, которой обладает каждый человек, не накапливается где-то в мозге, она безгранична в том смысле, что «наш разум, наше сознание, наша душа, если хотите, имеет такое количество степеней свободы, она может создать такое количество миров в себе, которое нельзя сосчитать. В ней содержатся все образы того, что мы видели каждую секунду, она может генерировать то, что мы видим, это то, что создают эти клетки мозга. Это бесконечность» [18].

Свобода мысли – политическая свобода. Политическая свобода мысли не идентична понятию когнитивной свободы, в ст. 29 Конституции России, свобода мысли и слова предполагает лишь защиту от принуждения к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, а также право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [19]. Существует точка зрения, согласно которой свобода мысли как политическая свобода может быть расширена за счет включения права определять содержание своих мыслей [2] или за счет переосмысления содержания понятия «свобода мысли» с позиций вопроса о том, кто может изменять мысли человека [20. С. 1312].

Обобщая вышесказанное, можно таким образом определить понятие когнитивной свободы: «Когнитивная свобода – свобода приобретения, хранения, преобразования, использования, представления и передачи знания индивидами». Политический аспект проблем когнитивной свободы заключается в рассмотрении ее как политической свободы, как новой политической свободы XXI в.

Концепция политической «когнитивной свободы»

Наиболее широко в течение уже двадцати лет дискуссия ведется по осмыслению когнитивной свободы как правовой категории, прежде всего в ее взаимосвязи с правами человека [4]. Борьба за признание когнитивной свободы как новой политической свободы была развернута при помощи информационной поддержки специально созданного для этой цели «Журнала когнитивных свобод», издаваемого неправительственной организацией «Центр когнитивной свободы и этики» с 1999 по 2004 г. в Соединенных Штатах Америки [21]. В настоящее время «Центр когнитивной свободы и этики (CCLE)» – это некоммерческий Институт права и политики, работающий над продвижением устойчивой социальной политики, защищающей свободу мысли. Целью организации является юридическое признание когнитивной свободы – «права каждого человека мыслить независимо, иметь право принимать решения по вопросам, затрагивающим его или ее сознание, и участвовать в полном спектре возможностей мыслительного процесса» [22]. В основе предложенного определения лежат три

принципа: конфиденциальности, автономии и выбора. Конфиденциальность предполагает распространение права на неприкосновенность частной жизни и на область мышления; автономия по аналогии со свободой воли предполагает независимость от кого бы то ни было процессов сознания и познания человека; выбор предусматривает право человека использовать когнитивное улучшение своих когнитивных возможностей.

Своего рода манифестом идеи консолидации всех обеспокоенных посягательством на свободу сознания, разума, мысли является программная статья Ричарда Глена Буара «О когнитивной свободе». Под посягательством на свободу познания им понимаются новые технологии, такие как биогенетические модификации, взаимодействие человека с компьютером, сканирование мозга, нанотехнологии, нейронные сети, так называемая нейротерапия и новые фармацевтические препараты, открывающие возможности для «эволюции» человека. В этой связи поднимаются юридические и этические вопросы, связанные с правом людей на доступ к этим технологиям или с правом избежать их применения. Под когнитивной свободой понимается прежде всего свобода познания, в отличие от ограничений физической свободы, ограничения познавательной свободы чаще всего трудно распознать. Сознание настолько сложно и многогранно, что его нельзя понять, однако неспособность понять сознание не означает неспособность других контролировать его. Познавательная свобода явно не может означать когнитивную изоляцию, поскольку мозг человека постоянно взаимодействует с внешним миром. Главная проблема – как распознать попытки установления контроля над сознанием человека [23], каким образом люди могут законно изменять психическое состояние других [24].

Нейротехнологии открывают возможности уметь «читать» мысли людей с помощью визуализации мозга [25], менять личность, вызывать изменение поведения, изменять формирование памяти, увеличивать когнитивные способности. Когнитивная свобода изначально рассматривалась как первый шаг к декларации неврологических прав человека [4]. Использование технологий, направленных на улучшение познания человека, в науке трактуемое как «когнитивные улучшения», воспринимается в обществе как нарушение когнитивной свободы и влечет за собой широкую общественную дискуссию по нейроэтическим аспектам проблем их использования [2]. Когнитивное улучшение – это усиление или увеличения внутренних, а также внешних систем обработки информации.

Когнитивное улучшение отличается от терапии целым рядом процедур и препаратов. К ним относятся: метилфенидат; модафинил; амфетамины; бета-блокирующие препараты, такие как пропранолол; донепезил; интеллектуальные игры; нейробиоуправление; транскраниальная стимуляция постоянным током; транскраниальная магнитная стимуляция; глубокая стимуляция мозга и интерфейсы мозг – компьютер. Доводы критиков можно разделить на две категории: опасения по поводу вреда, который может быть причинен тем, кто использует улучшающие технологии, и озабоченность по поводу негативного со-

циального воздействия широкого использования улучшающих технологий и их принятия обществом. В связи с социальной значимостью конвергентных технологий предлагается переосмыслить вопросы социальной и государственной политики [26], открыто обсуждать варианты регулирования, доступные лицам, определяющим политику, с целью обеспечения ответственного использования когнитивных улучшений с позиций конституционного права [27]. В значении интеллектуальной политики рассматривается интеграция в государственную политику широкого спектра подходов, направленных на защиту и усиление когнитивных способностей и эпистемических показателей отдельных лиц и организаций [28]. Предлагается ввести четыре новых права, которые могут обеспечить правовую защиту от применения нейротехнологий: право на когнитивную свободу, право на неприкосновенность психического здоровья, право на психическую неприкосновенность и право на психологическую преемственность [5].

В целях защиты когнитивной свободы раздаются призывы переосмыслить наркополитику в отношении психоделических наркотиков через призму прав человека и отменить запрет на их употребление, нарушающий право на когнитивную свободу, которая рассматривается как компонент свободы мысли [29]. Как известно, психоделики способны изменять восприятие и вводить человека в измененное состояние сознания, многие считают, что они не вызывают зависимости. Есть предложения по формированию и реализации политики познавательной свободы как разновидности нейрополитики и механизма государственного регулирования нейропроцессов выбора и идентичности [30].

Что же будет представлять собой когнитивная свобода после приобретения ею статуса политической свободы? В словаре политической науки предлагается следующее определение политической свободы: «Свобода политическая естественное, неотчуждаемое от человека, социальных общностей людей качество, позволяющее им выражать свои мысли и действия в соответствии с правовыми нормами, интересами направленности на стабилизацию, порядок в политико-властных отношениях государства и общества. Политические свободы закрепляются в конституции, других законах и правовых нормах» [31].

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующую формулировку понятия политической свободы: когнитивная политическая свобода – нормативно институализированная свобода на получение знаний, на свободное познание, свобода от влияния на принятие решений и действий на основе полученных знаний; свобода формирования убеждений и мнений (свобода мысли).

Далее, абстрагируясь на данном этапе от политического аспекта, рассмотрим когнитивную свободу с позиций политического диффузионизма.

Диффузионная концепция когнитивной свободы

Объяснение того, почему именно диффузионизм выбран для теоретического обоснования когнитивной

свободы, связано прежде всего с предпочтениями автора, которые определялись многолетним исследованием проблем политического диффузионизма и его эвристических возможностей в области идеологических процессов. Научное направление диффузионизма изначально складывалось как междисциплинарное, объединявшее исследователей распространения инноваций: культурных, экономических, политических. В 60-е гг. XX в. накопленные знания уже позволили сформулировать теории и использовать их для объяснения инновационных практик (Э. Роджерс, Т. Хегерстранд, Д. Уокер). Политический диффузионизм предметно исследует диффузию как политический процесс (Ф. Жиларди, М. Броквей, С. Лакомб, Ф. Линдер и Х. Уоллах), а его сетевое направление занимается проблемой диффузионных сетей – коммуникативного канала, связывающего «инноваторов» и их «последователей» (Б. Десмарайс, Д. Харден, Ф. Бемке). Методология диффузионизма достаточно широко применяется за рубежом для исследования распространения (диффузии) культурных и идеологических ценностей, паттернов, политик и как нельзя лучше подходит для анализа свободных процессов.

Диффузионная концепция когнитивной свободы, в отличие от уже существующих психологических концепций, построена на использовании основного принципа процесса диффузии – свободного распространения инноваций по каналам коммуникации. Точкой отсчета для обоснования диффузионной концепции когнитивной свободы станет данное ранее определение когнитивной свободы как свободы приобретения, хранения, преобразования, использования, представления и передачи знания индивидами. Новизна диффузионной концепции когнитивной свободы основана на токовании когнитивной свободы как диффузионного коммуникативного процесса получения или распространения знаний. Сама диффузия носит, по определению, характер свободного, спонтанного процесса распространения, поэтому для исследования характеристики несвободы представляется более целесообразным использование понятия «передача», которое в политическом диффузионизме применяется для описания передачи политики. В рамках данного исследования в качестве образцов для передачи предлагается рассматривать, как частный случай диффузии, распространение когний: знаний и информации, возникающих в результате функционирования нейронной гиперсети разума человека, а распространяющихся по сетям социума.

Понятие «передача», в отличие от понятия «распространение», имеет несколько отличительных черт, указывающих на не вполне свободный, а имеющий какие-либо ограничения характер ее движения. В качестве основных следует выделить следующие критерии признаков «несвободы».

1. Отдельные лица и целые организации используют свой авторитет или профессиональные знания, чтобы укрепить определенные парадигмы или узаконить некоторые нормативные стандарты в качестве «наилучшей практики» или примеры, которым необходимо следовать.

2. Поскольку информация (знание) находится в состоянии свободного доступа к ее пополнению или корректировке, начинается борьба «дискурсов», «режимов истины».

3. Сети из коммуникативного посредника превращаются в элемент механизма передачи, т.е. транслируют влияние, помогающее осуществлять прямое воздействие на тех, кому предназначается информация.

Поскольку основным признаком диффузионных процессов, в том числе протекающих в различного рода сетях, от нейронных до технических, является свободное распространение, то для эмпирической оценки реализации акторами когнитивной свободы целесообразно использовать не верификацию, а другой принцип методологии научного познания – фальсификацию. Анализировать следует все типичные случаи замедления скорости когнитивных процессов в диффузионных сетях как указывающие на искусственно создаваемые препятствия в этом трафике. Наиболее наглядным примером является сеть Интернет как один из видов диффузионных сетей наряду с научными, экспертными, профессиональными.

Практическая значимость применения диффузионной концепции когнитивной свободы заключается в ее использовании для понимания возможностей управления когнитивной свободой. Можно назвать несколько когнитивных технологий, основанных на принципах «когнитивного контроля», по сути играющего роль своего рода «ограничителя» или даже препятствия на пути свободы получения, хранения или распространения знаний.

Технологии управления когнитивными способностями человека на уровне бессознательного: манипулирование информацией (фейки, переключение внимания); формирование официальной версии знаний; когнитивный контроль над коммуникативными каналами (диффузионными сетями) распространения знаний и информации.

Технологии управления процессом организации информации: воздействие на восприятие, отбор, репрезентацию, сохранение и использование информации.

Технология стратегических нарративов: формирование когнитивного контекста, определяющего дискурс; разработка официальных нарративных стратегий; целенаправленное коммуникативное воздействие стратегических игроков на остальных участников взаимодействия.

Технология фрейминга: фрейминг вводит моральные фреймы, формирующие рамки восприятия политики в общественном сознании. Фрейминг может быть предварительным этапом когнитивной политики, целенаправленно воздействующей на когниции и тем самым изменяющей когнитивные способности человека.

Технологии управления мнемоническими практиками: формирование индивидуальной и коллективной памяти в границах, заданных политикой памяти или исторической политикой; использование стратегий коммеморации для селекции событий.

Технологии контроля над социальными медиа как коммуникаторами: модерация форумов и иных виртуальных площадок коммуникативного взаимодействия; использование приемов когнитивной цензуры: созда-

ние вала информации, цифровых пустот забвения; искусственное «выращивание» сетевых сообществ для решения конкретных проблем или пропагандистских и агитационных целей.

Диффузионное понятие когнитивной свободы может быть сформулировано следующим образом: когнитивная свобода – свобода представления, распространения и передачи знаний или информации индивидами в диффузионных сетях. Под передачей, в отличие от распространения и представления, понимается процесс, протекающий в условиях некоторого ограничения свободы, в форме управления, влияния, давления. В этом заключается политический характер диффузии, приобретающей признаки политического процесса управления или манипулирования участниками взаимодействия. Социокогнитивным признаком диффузии является сочетание функционирования нейронной сети разума человека, формирующей и представляющей знания, и диффузионной социальной сети, распространяющей и передающей знания и информацию.

Заключение

В XXI в. на первый план выходит борьба за свободу сознания и познания, неизбежно принимающая политическую форму, а препятствиями на пути ее достижения выступают уже не запреты и цензура, а технологии когнитивного контроля и некоторые коммуникативные технологии. Философское измерение свободы в духе «негативной» и «позитивной» свободы Исая Берлина ждет на этапе информационного общества рефлексии проблемы управления когнитивной свободой, еще воспринимаемой как логический казус, но уже находящей проявление в политической практике. Понятие когнитивной свободы, традиционно рассматриваемое в рамках нейроэтики, имеет свои ограничения, в перспективе необходимо ее междисциплинарное исследование, развивающее в данном направлении эпистемологию, когнитивистику, сетевую теорию и теорию диффузии, которое позволит всесторонне описать этот феномен и поможет людям стать свободнее, не нарушая этических и правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sommaggio P., Mazzocca M., Gerola A., Ferro F. Cognitive liberty. A first step towards a human neuro-rights declaration // *Biolaw Journal*. 2017. № 3. P. 27–45.
2. Sententia W. Neuroethical considerations : cognitive liberty and converging technologies for improving human cognition // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2004. Vol. 1013, № 1. P. 221–228.
3. Bublitz J.C. My mind is mine?! Cognitive liberty as a legal concept // Hildt E., Franke A.G. (Ed.). *Cognitive Enhancement: An Interdisciplinary Perspective, Trends in Augmentation of Human Performance*. New York ; London : Springer, 2013. P. 233–264.
4. Sommaggio P., Mazzocca M. Cognitive Liberty and Human Rights // *Neuroscience and Law* / ed. by A. D'Aloia, M. Errigo. Springer, Cham, 2020. P. 95–111.
5. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13, № 1. P. 1–27.
6. Lakoff G. *Whose freedom? The battle over America's most important idea*. New York : Picador, 2007.
7. Popper K. *Objective knowledge: an evolutionary approach*. Oxford : Clarendon Press, 1979.
8. Miller E.K. The prefrontal cortex and cognitive control // *Nature reviews neuroscience*. 2000. Vol. 1, № 1. P. 59–65.
9. Inzlicht M., Bartholow B.D., Hirsh J.B. Emotional foundations of cognitive control // *Trends in cognitive sciences*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 126–132.
10. Фурс Л.А. Метапамять, когнитивный мониторинг и когнитивный контроль // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 2. С. 21–25.
11. Иванчей И.И. Конференция «Нейронаука и познание: сознание и когнитивный контроль» (Брюссель, 2012) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2012. № 3. С. 62–65.
12. Hammond K.R., Summers D.A. Cognitive control // *Psychological review*. 1972. Vol. 79, № 1. P. 58–67.
13. Бандура А. *Теория социального научения*. СПб. : Евразия, 2000.
14. Баканский О.Е., Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2006. Т. 7, № 1. С. 148–169.
15. Нестерова М. *Когнитивистика: истоки, вызовы, перспективы*. Сумы : Университетская книга, 2015.
16. Анохин К. *Гиперсетевая теория мозга и сознания. Курс. Сознание и мозг. Последний рубеж*. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=I0_Zr1eGVog&feature=youtu.be (дата обращения: 12.11.2020).
17. Лазутова Н. Мой собеседник – Константин Анохин // *Человек*. 2014. № 2. С. 86–104.
18. Анохин К. Наш разум – это гиперсеть // «Троицкий вариант». 2015. Т. 177, № 8. URL: <https://omiliya.org/article/konstantin-anohin-nash-razum-eto-giperset> (дата обращения: 20.08.2020).
19. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года (редакция 2020 года) / ред. В. Обручев. М. : Эксмо, 2020.
20. Bublitz C. Cognitive liberty or the international human right to freedom of thought // *Handbook of Neuroethics* / ed. by J. Clausen, N. Levy. Dordrecht : Springer, 2015. P. 1309–1333.
21. The Journal of Cognitive Liberties. URL: https://www.cognitiveliberty.org/ccle1/jcl/jcl_online.html (дата обращения: 28.08.2020).
22. The Center for Cognitive Liberty & Ethics (CCLE). URL: https://www.webcitation.org/6661CKKEI?url=http://www.cognitiveliberty.org/faqs/faq_general.htm (дата обращения: 28.08.2020).
23. Boire R.G. On cognitive liberty // *The Journal of Cognitive Liberties*. 2001. Vol. 2, № 1. P. 7–22.
24. Bublitz J.C., Merkel R. Crimes Against Minds: On Mental Manipulations, Harms and a Human Right to Mental Self-Determination // *Criminal Law and Philosophy*. 2014. Vol. 8, № 1. P. 51–77.
25. Ienca M. The Right to Cognitive Liberty // *Scientific American*. 2017. Vol. 317, № 2. P. 10.
26. Blank R.H. *Cognitive enhancement: social and public policy issues*. New York : Springer, 2015.
27. Jotterand F., Dubljevic V. (Ed.). *Cognitive enhancement: Ethical and policy implications in international perspectives*. Oxford University Press, 2016.
28. Bostrom N., Roache R. Smart policy: cognitive enhancement in the public interest // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2010. Vol. 2, № 1. P. 68–84.
29. Walsh C. Psychedelics and cognitive liberty: Reimagining drug policy through the prism of human rights // *International Journal of Drug Policy*. 2016. Vol. 9. P. 80–87.
30. Fletcher A.L. Make up your own mind: the politics of cognitive freedom // Somit A., Peterson S.A. (Ed.). *Biopolicy: The Life Sciences and Public Policy*. (Research in Biopolitics, Vol. 10). Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 225–242.
31. Санжаревский И.И. *Политическая наука: словарь-справочник*. 2010. URL: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.08.2020).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 1 апреля 2021 г.

Cognitive Freedom as a New Political Freedom of the 21st century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/468/11

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Keywords: cognitive freedom; political freedom; cognitive science; diffusion; diffusion network; diffusion concept of cognitive freedom.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

In political science, it is rarely possible to work with a topic of extremely significant social problems that has not yet found a proper understanding by the scientific community. This includes the concept of cognitive freedom, which already claims to be the new political freedom of the 21st century but is practically not represented in the scientific discourse. This article does not claim to be a complete theoretical and methodological representation of cognitive freedom as a political freedom, it is only an invitation to a discussion about its essence, features, practical significance, and many other aspects of this unique phenomenon. A review of publications on the topic of cognitive freedom from the point of view of psychological, neuro-ethical, epistemological, and cognitive trends is conducted; the degree of its study is evaluated; and the results obtained are summarized. The author's contribution to the understanding of cognitive freedom was the substantiation of the diffusive concept of cognitive freedom using a combination of two approaches: implicit cognitive science and political diffusionism. The diffusive concept of cognitive freedom can be formulated as follows: cognitive freedom is the freedom of representation, dissemination, and transmission of knowledge or information by individuals in diffusion networks. The concept "knowledge transfer" is introduced, meaning that its dissemination is carried out under conditions of some restriction of freedom in the form of prohibition, influence, pressure. This is the political nature of diffusion that acquires signs of managing or manipulating participants in the interaction. This concept should develop the concept of cognitive freedom in terms of one of the conditions for its implementation – the freedom to present, receive, distribute, and transmit knowledge in diffusion networks (a communication channel through which information and knowledge flow). The practical significance of the diffusive concept of cognitive freedom lies in its suitability for identifying the possibilities of managing the free process of political diffusion. Several cognitive technologies based on the principles of "cognitive control", which in fact plays the role of a kind of "limiter" or even an obstacle to the freedom of obtaining, storing or distributing knowledge, are described. The types of cognitive technologies are identified: technologies for managing human cognitive abilities at the level of the unconscious, technologies for managing the process of organizing information, technologies for strategic narratives, and framing technology: technologies for managing mnemonic practices, technologies for controlling social media as communicators.

REFERENCES

1. Sommaggio, P. et al. (2017) Cognitive liberty. A first step towards a human neuro-rights declaration. *Biolaw Journal*. 3. pp. 27–45.
2. Sententia, W. (2004) Neuroethical considerations: cognitive liberty and converging technologies for improving human cognition. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1013 (1). pp. 221–228.
3. Bublitz, J.C. (2013) My mind is mine?! Sognitive liberty as a legal concept. In: Hildt, E. & Franke, A.G. (eds) *Cognitive Enhancement: An Interdisciplinary Perspective, Trends in Augmentation of Human Performance*. New York; London: Springer. pp. 233–264.
4. Sommaggio, P. & Mazzocca, M. (2020) Cognitive Liberty and Human Rights. In: D'Aloia, A & Errigo, M. (eds) *Neuroscience and Law*. Springer; Cham. pp. 95–111.
5. Ienca, M. & Andorno, R. (2017) Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*. 13 (1). pp. 1–27.
6. Lakoff, G. (2007) *Whose freedom? The battle over America's most important idea*. New York: Picador.
7. Popper, K. (1979) *Objective knowledge: an evolutionary approach*. Oxford: Clarendon Press.
8. Miller, E.K. (2000) The prefrontal cortex and cognitive control. *Nature Reviews Neuroscience*. 1 (1). pp. 59–65.
9. Inzlicht, M., Bartholow, B. D. & Hirsh, J.B. (2015) Emotional foundations of cognitive control. *Trends in Cognitive Sciences*. 19 (3). pp. 126–132.
10. Furs, L.A. (2019) Metamemory, Cognitive Monitoring and Cognitive Control. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 21–25. (In Russian).
11. Ivanchey, I.I. (2012) Konferentsiya "Neyronauka i poznanie: soznanie i kognitivnyy kontrol'" (Bryussel', 2012) [Conference "Neuroscience and Cognition: Consciousness and Cognitive Control" (Brussels, 2012)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*. 3. pp. 62–65.
12. Hammond, K.R. & Summers, F.A. (1972) Cognitive control. *Psychological Review*. 79 (1). pp. 58–67.
13. Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Theory of social learning]. St. Petersburg: Evraziya.
14. Baksanskiy, O.E. & Kucher, E.N. (2006) Poznanie poznaniya: kognitivnye nauki [Cognizing cognition: cognitive sciences]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 7 (1). pp. 148–169.
15. Nesterova, M. (2015) *Kognitivistika: istoki, vyzovy, perspektivy* [Cognitive science: origins, challenges, prospects]. Sumy: Universitetskaya kniga.
16. Anokhin, K. (2018) *Gipersetevaya teoriya mozga i soznaniya. Kurs. Soznanie i mozg. Posledniy rubezh* [Hypernet theory of the brain and consciousness. A Course. Consciousness and the brain. The Last Frontier]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=I0_Zr1eGVog&feature=youtu.be (Accessed: 12.11.2020).
17. Lazutova, N. (2014) Moy sobesednik – Konstantin Anokhin [My interlocutor – Konstantin Anokhin]. *Chelovek*. 2. pp. 86–104.
18. Anokhin, K. (2016) Nash razum – eto giperset' [Our mind is a hypernet]. *Troitskiy variant*. 177 (8). [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/konstantin-anokhin-nash-razum-eto-giperset> (Accessed: 20.08.2020).
19. Obruchev, V. (ed.) (2020) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii s izmeneniyami, prinyatyimi na Obshcherossiyskom golosovanii 1 iyulya 2020 goda (redaktsiya 2020 goda)* [The Constitution of the Russian Federation as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020 (2020 edition)]. Moscow: Eksmo.
20. Bublitz, C. (2015) Cognitive liberty or the international human right to freedom of thought. In: Clausen, J. & Levy, N. (eds) *Handbook of Neuroethics*. Dordrecht: Springer. pp. 1309–1333.
21. *The Journal of Cognitive Liberties*. [Online] Available from: https://www.cognitiveliberty.org/ccl1/jcl/jcl_online.html (Accessed: 28.08.2020).
22. *The Center for Cognitive Liberty & Ethics (CCLE)*. [Online] Available from: https://www.webcitation.org/6661CKKEI?url=http://www.cognitiveliberty.org/faqs/faq_general.htm (Accessed: 28.08.2020).
23. Boire, R.G. (2001) On cognitive liberty. *The Journal of Cognitive Liberties*. 2 (1). pp. 7–22.
24. Bublitz, J.C. & Merkel, R. (2014) Crimes Against Minds: On Mental Manipulations, Harms and a Human Right to Mental Self-Determination. *Criminal Law and Philosophy*. 8 (1). pp. 51–77.
25. Ienca, M. (2017) The Right to Cognitive Liberty. *Scientific American*. 317 (2). p. 10.

26. Blank, R.H. (2015) *Cognitive enhancement: social and public policy issues*. New York: Springer.
27. Jotterand, F. & Dubljevic, V. (eds) (2016) *Cognitive enhancement: Ethical and policy implications in international perspectives*. Oxford University Press.
28. Bostrom, N. & Roache, R. (2010) Smart policy: cognitive enhancement in the public interest. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2 (1). pp. 68–84.
29. Walsh, C. (2016) Psychedelics and cognitive liberty: Reimagining drug policy through the prism of human rights. *International Journal of Drug Policy*. 9. pp. 80–87.
30. Fletcher, A.L. (2012) Make up your own mind: the politics of cognitive freedom. In: Somit, A. & Peterson, S.A. (eds) *Biopolitics: The Life Sciences and Public Policy*. (Research in Biopolitics, Vol. 10). Bingley: Emerald Group Publishing Limited. pp. 225–242.
31. Sanzharevskiy, I.I. (2010) *Politicheskaya nauka: slovar'-spravochnik* [Political Science: Reference Dictionary]. [Online] Available from: <https://rus-politology-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 20.08.2020).

Received: 01 April 2021